

Вначале я хочу показать редчайшие фотокадры из 1910 года. На ступенях Албазинской церковно-приходской школы мальчики и девочки вместе со своим учителем. Белыми кругами я обозначил Ваню Черных и Гутю Самсонову (она стоит в верхнем ряду). Ни Гутя, ни Ваня не догадываются, что судьба сведёт их в союз навеки, но век окажется коротким, всего двадцать лет.

* * *

В июне 1927 года в станице Албазинской, самой старой на Амуре, внезапно взят опричника-ми Иван Черных, потомственный казак.

* * *

Ничто не предвещало ареста. Гражданская смута в России и на Дальнем Востоке унялась. Мужики (бывшие из казачьего сословия) землепашествовали. Иван тоже втянулся в домашние заботы. У него и у Гути народилось трое детишек, два мальчика – Гена и Вадик, и дочь Гера, соответственно 4, 3, 2 лет. Грибочки. На усадьбе ржали кони, не верховые, рабочие. Мычали коровы.

Борис ЧЕРНЫХ

ОТЧЕ НАШ

РЕКВИЕМ

Ширится кольцо холодного света,

На заимке метались в загоне овцы. Заимку Иван не забросил. Каждую весну поднимал 15 десятин земли. Стало быть, не отняли ещё землю.

Оставалась открытой граница с Китаем. Албазинцы косили на правом берегу, травы там стояли сочные.

Дома у Ивана за хозяйку оставалась Гутя. Она лишь годом младше мужа. Гутя охотно рожала и празднично нянькалась с малышами. Ей помогала баба Груня, мать. Баба Груня несла домашние тяготы тоже в удовольствие. Сама-то Груня нарожала шестерых девок – старшей была Пелагея, за ней шла Гутя.

Дом полная чаша. Ванечка любит Гутю, Гутя любит Ванечку. Но горесть точит молодую семью. Отец Вани, Дмитрий Лазаревич, не принял Октябрьской революции и ушёл на чужой берег. Там вырыл тёплый блиндаж, жил одиноко. Приятели-китайцы хаживали к нему на за-туран. Это байховый чай, солёный, с молоком. Где они брали молоко? На русской стороне, куда совершал вылазки Георгиевский кавалер. Но не только за молоком ходил Дмитрий Лазаревич.

Борис Иванович Черных (1937), прозаик, публицист, издатель. Автор нескольких книг. Многие годы издавал в Ярославле и Благовещенске литературные газеты «Очарованный странник» и «Русский берег». Живёт в Благовещенске. Постоянный автор «Рубежа».

Его притягивали внуки и внучка. И Гутя ходила в любимицах у деда Дмитрия. Старый казак не единожды говорил сыну: «Кабы мне досталась в молодости Гутя. О-о!» На эти «О-о» Ваня улыбочиво отмалчивался. У Ванечки житейская программа была простая: поднять деток, буде ещё народятся. Никак не менее десяти. Поднять, затем во главе рода ходить по станице, выбирая невест и женихов. При том Ваня холил Гутю и чем далее, тем всё сильнее понимал, что она отвоевала его, зная одну цель – чем далее, тем преданнее любить Ванечку, единственного, ненаглядного.

Но жизнь на Амуре неумолимо сползала в никуда. Сначала скоростижно помер Василий Яковлевич Самсонов, Гутин отец, а Грунин муж. Повод казался ничтожным. Василия Самсонова, бывшего станичного атамана, вызвали в сельсовет и сказали:

– Василий Яковлевич, стадо у тебя великое. Нам кажется, ты заездил девок. Они заместо казачков у тебя. И пашут, и сеют. Лес рубят. И косят. И рыбалют. Урожай сгребают.

– Завидно? – спросил Василий Самсонов.

– Чему завидовать? У самих хлопот полон рот. Из района пришла указивка. Сократить большие хозяйства, а то получается – кулацкие.

– Кулацкие с наёмной силой, – отвечал Василий Яковлевич, – а у меня заместо китайцев мои дивчины.

– Ну, смотри, атаман...

Василий Яковлевич стал смотреть. Получалось, если на всех дочерей поделить коров, лошадей и овец (когда замуж пойдут) – не так богато. Но смотрел он сердечно и слёг. И в одночасье не встал. Его погребли возле старой церкви, воздали должное воину.

Однако Дмитрия Лазаревича Черных никакая хвороба не брала. А погранцы ему не указ. Ночью они перехватывали Дмитрия на льду или на плаву, грозно советовали не нарушать границу. Дмитрий отвечал: «Здесь я вырос и состарился. То моя родина, а вы тут временные».

Но по понятиям середины 20-х отец-эмигрант – явление опасное. Но Ивана и Гутю настолько захватила семейная песня, что отца, Дмитрия Черных, они воспринимали как припев к песне. Привечали его и ласкали. Головная боль у погра-

Ваня Черных, учащийся реального училища (в Благовещенске), 1915 год.

ничников – именно Дмитрий Черных. И тогда решили испытать Ваню и Гутю на излом.

Наряд пограничников силой взял Ивана и увёз из станицы. Гутя думала – в Рухлово (ныне Сквородино). Оказалось, в Благовещенскую тюрьму.

Я сам только что получил из КГБ (ФСБ) документы о событиях 1927¹ года. И узнал, что отец был вывезен в Благовещенский тюремный замок.

Первое, что я сделал – поехал в нашу тюрьму. Мне выписали пропуск, я вошёл в мрачное чистилище. С подполковником Н. мы посетили старинный корпус, где содержали отца, и камеры, где он был заперт. Со мной были фотокорреспонденты, они сделали несколько кадров, вот эти кадры.

В нынешние мои 74 года я, прошедший огни и воды, не заплакал. Я всё время помню – за спиной у меня мама Гутя. Она выдержала тогда не-

¹ Подумай, читатель, с 1927 года скрывать материалы выдуманного «Дела», герой, то есть Ваня, давно реабилитирован. Все персонажи «Дела» умерли, и даже их дети в большинстве своём тоже ушли на тот свет. И сейчас, наконец, последнему албазинскому казаку, мне милостиво разрешают ознакомиться с абсолютной абракадаброй: создание контрреволюционной организации, связь с вождями белого движения и пр., и пр. Всё обвинение рухнуло уже во время следствия. – Б.Ч.

Бабенька Груня Самсонова, в девичестве Сурикова, с внуками и внучками на коленях, Албазин, 1926 год.

Мои маленькие братья Гена, Вадик и сестрёнка Гера в 1928 году, снимок сделан сразу по прибытии в Туруханск.

Тятя и мама Гутя в г. Щегловске (сразу после ссылки в Туруханск), 1932 год.

виданное испытание. Не просто выдержала. Испытание приподняло её над грешной землёй.

Она боролась за Ванечку с пятнадцати лет. Её соперницей была несравненная Таля, дочь предпоследнего албазинского атамана Павла Птицына. Но Павел Птицын, мудро просчитав все шансы дочери, поспешил выдать её за почтовика Гавловского, укоренившегося на Амуре поляка. Закадычные соперницы выплакались на свадьбе и остались верными подругами на всю жизнь. Даже когда обстоятельства вынудили Павла Птицына бежать из Албазина – а он бежал не к Дмитрию Черных, не в Китай, а в Казахстан, но и там его настигла чекистская пуля, – и тогда Гутя и Таля не покинули друг друга...

После ареста Ванечки маменька обошла сто подворий и собрала подписи в защиту Ванечки. Наивная, она думала, что власть примет к сведению письмо коренных станичников. Не тут-то было.

Прочитую это письмо, хотя видно, что над окончательной редакцией походила рука особиста. Предварительно надо дословно привести слова из Постановления Уполномоченного КРО 1111 Богданова (и следом резолюции начальника КРО 1111 Шнеерсона – «Согласен» и «Просмотрено» Ю.К. Анцелевича): «...Ввиду их принадлежности к социально-опасному элементу («их» – вместе с Ванечкой взяли Александра Самсоно-

ва, по возрасту он годился в отцы Ивану, 1871 года рождения) – направить для рассмотрения в Особое совещание при Коллегии ОГПУ на предмет заключения в концлагерь, направив предварительно на заключение Далькрайпрокуратуры...

Справка: Обвиняемые Черных И.Д. и Самсонов А.И. содержатся под стражей в Благовещенском ИТД».

22 июня 1927 года Иван Черных был допрошен (лист «Дела» 8). Из протокола вычитываем: на вопрос 7 «Служил ли в армиях реакционных правительств, где, когда, в каком чине и в какой части?» – ответ: «Не служил».

На 8 вопрос: «Служил ли в контрразведывательных учреждениях реакционных правительств (и пр.)?» – ответ: «Не служил».

Далее тятя просит перо и пишет: «В период колчаковщины ни в каких белогвардейских отрядах не участвовал и пособничества не оказывал... в 1920 году призвали на военную службу и служил в 1-м и 2-м кавалерийских полках. В 1921 году из армии (Красной) дезертировал», .. – начинается, нет, продолжается судьба Григория Мелехова, персонажа Шолоховского «Тихого Дона». Но то, что позволено литературному герою, не позволено Ивану Черных. Его зазывает Гутя, и он готов отозваться на зов любимой дивчины, но в эти месяцы он у отца в Китае. Отец уговаривает

Туруханск строится. Благодный снимок, но не обольщайтесь, это 1912 год.

переманить Гутю в Китай, но в 1922 году Иван переходит границу и возвращается домой. Притяжение родины и Гути одолело.

«Ни в каких разговорах против Советской власти с кем-либо не участвовал, а также не говорил о войне с Китаем и о падении соввласти. Отец мой Дмитрий Черных последний раз приезжал ко мне в Албазин в 1924 году... Обнаруженная обыском газета «Возрождение» принадлежит жене (для выкровок, в выкройках и найдена)» ...

И подпись отца.

В «Деле» есть и «Протокол обыска», из «Протокола» явствует, что «при обыске (это 14 июня 1927 года) обнаружено ничего не было». Обыск произведён в присутствии п/уполномоченного Шишкова, представителя с/совета Филинова и квартирохозяйки гр-ки Черных Августы Васильевны».

Подписи матери, Филинова и этого самого Шишкова.

Сохранился Ордер №18 на право производства обыска, от 14/VI – 27 года.

Но обыск ничего и не мог дать, ибо Иван был весь в отцовстве, то есть малые детишки пленили его. Уже родился Вадик, третье дитё.

Но всё-таки тятю берут и увозят.

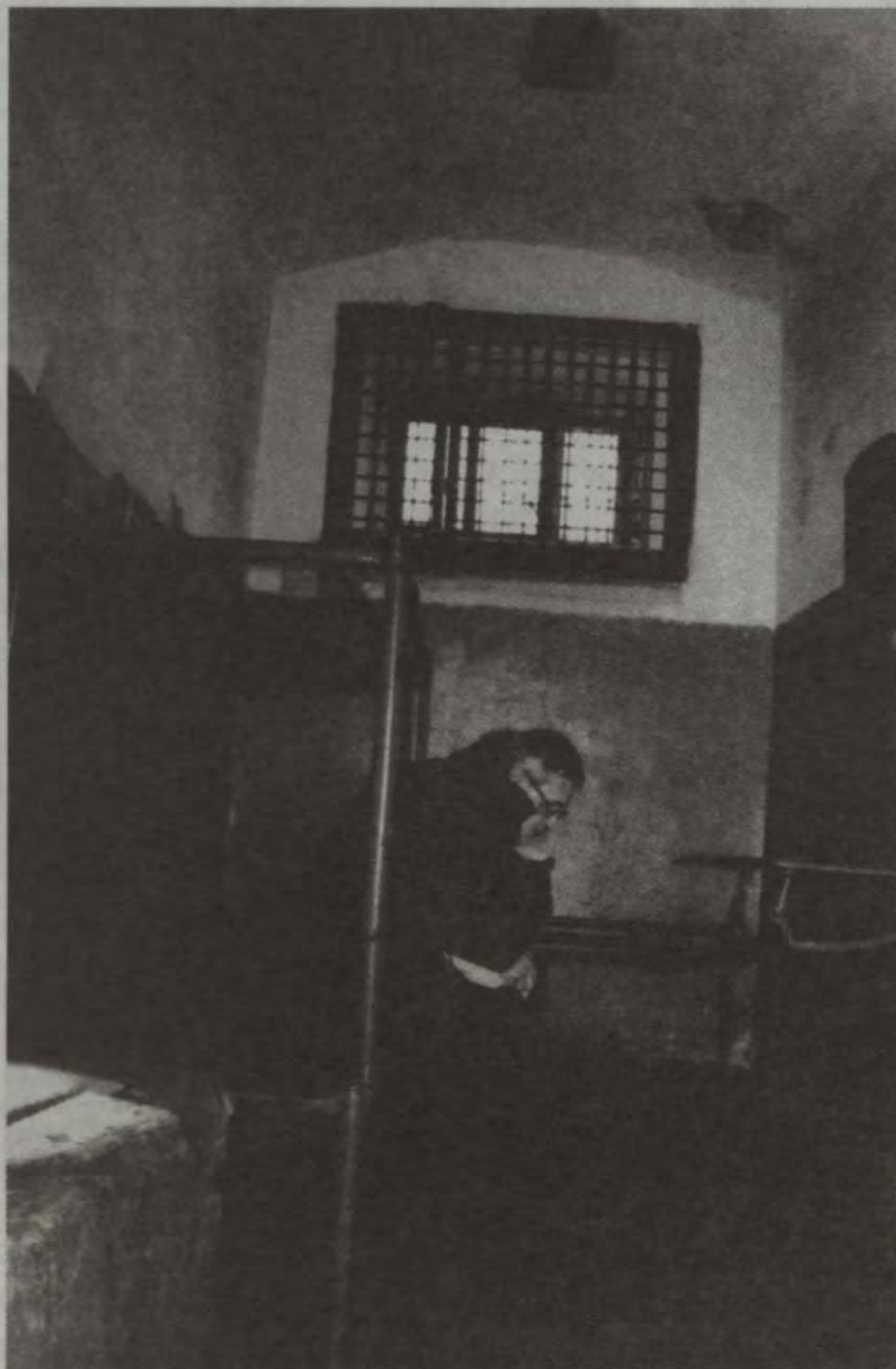
Теперь вступает в безнадежную борьбу мама Гутя.

Лист Дела 10 называется «Поручительский», от 29 августа 1927 года: «Мы, нижеподписавшиеся жители села Албазина Рухловского района Зейского Округа, даём настоящий в нижеследующем: наш односельчанин Иван Дмитриевич Черных, местный уроженец, в 1920 году под влиянием отца Дмитрия Лазаревича Черных эмигрировал на китайскую сторону, но в 1922 году возвратился обратно и с этого момента по день ареста проживал в Албазине, занимался хлебопашеством, ни в каких контрреволюционных выступлениях не замечался.

Черных в настоящее время обременён семьёй в числе жены, трёх малолетних детей и больной сестры. Имеет домашность, как-то: 3 лошади, 2 коровы и другую хозяйственную обстановку. Беря его на поруки, мы ручаемся, что от суда он не скроется и по первому требованию суда явится или же нами будет доставлен куда следует.

К сему подписуемся...»

Далее идут факсимильные подписи ста десяти албазинцев, в послесловии я могу назвать

Я в камере тяти. Фото Марьяны Абдулиной. 2010 г.

всех, сейчас же приведу имена избранных друзей и родных: Р. Портнягин, Григорий Черных, З. Суриков (кстати, девичья фамилия бабы Груни, матери мамы Гути, – Сурикова. Эту фамилию она понесла, через родителей, ещё с Енисейских времён), Георгий Сенотрусов, Павел Птицын, это отец Тали Птицыной -Гавловской, маменькиной подруги, Василий Самсонов (отец Гути), Филат Исаков, Павел Антипьев.

И другие.

В конце третьего листа «Поручительства» стоит: «Собственноручные подписи граждан в сем Поручительском Листе Албазинский сельсовет свидетельствует.

Председатель сельсовета Филинов.

30 августа 1927 года».

Любопытна резолюция оперативных работников нынешнего Амурского ФСБ: «Ксерокопия снята»... – и роспись начальники подразделения УФСБ РФ по Амурской области: 17.09.2010. Я.В. Ширяев. Считаю себя обязанным называть

сегодняшних функционеров КГБ. Ибо, когда я получил, наконец-то, через 83 года, из Центрального Архива КГБ (он в Омске) «Дело» моего тяти, реабилитированного в 90-х, как я ранее поминал, меня позвали в резиденцию ФСБ на улицу Пионерскую, чтобы я, уже старик, внял горьким истинам конца 20-х годов, о которых слышал от мамы Гути невнятно. Внятно она остерегалась мне говорить, чтобы не надломить судьбу младшего сына.

С дамочкой из ФСБ сели мы в кабинетике. Я стал листать «Дело» и тотчас обнаружил некоторые страницы зацементированными скрепками.

– Что это означает? – спросил я даму.

– Это нельзя смотреть, – смутившись, ответила она.

– Почему? «Делу» моего отца 83 года. Спустя почти столетие «нельзя смотреть»?! Тогда я отказываюсь знакомиться с «Делом», – я встал и ушёл домой.

Неделю спустя меня снова позвали в ФСБ и сказали: «Мы открыли некоторые страницы, Б.И. Приходите, пожалуйста».

Пришёл. В числе «открытых» было как раз коллективное письмо албазинцев в защиту тяти. Выводы читатель пусть делает сам. Я же могу сказать: если подобными черепашьими темпами мы будем восстанавливать правду столетия, мы никогда из-под завалов прошлого не выберемся. Мы никогда не выберемся к свету истины.

Разумеется, иллюзии питали Гутю Самсонову-Черных: да, все подворья старинной станицы высказались в защиту Ивана Черных. К тому же, гражданская война отпыхала. Что ж, Дмитрий Черных выбрал не Советскую власть, но он не выбрал и контрреволюцию. Протест его был пассивным, немым. Эка важность – вырыть на китайском берегу землянку, поставить там печурку, навещать внуков и любимого сына. Но по раскладу тогдашних опричников Дмитрий признан белоэмигрантом, следовательно, врагом. Врагов Советская власть любила, она без них жить не могла. Ворваться же в Китай и там схватить Дмитрия Черных, перетащить на русский берег в те глухие времена рискованно. Поступим проще – арестуем сына. Оснований для ареста нет. Но отец – белый. Разве это не основание?

Можно предположить – тятя попал в капкан. Он коротает дни и недели в тёмной камере старого корпуса Благовещенской тюрьмы. О письме одностаничников в его защиту не знает. Он не

получает никаких вестей от Гути. Ваня отрезан от мира.

Нелепые обвинения в некоем белоэмигрантском заговоре чуть ли не с самим генералом Сычёвым (в Харбине) отмечает. Но зэки рассказывают ему, что из этих камер уводят только на расстрел или увозят в концлагеря. Стало быть, надо готовиться к худшему.

Алексей Самсонов, уличённый в том, что в Рухлово на ж.д. вокзале он сорвал красный флаг, пал духом. Однако и Алексея Самсонова Иван Черных не видит, их расселили по разным камерам.

Наконец, Ивана вывели к следователю, в стенах тюрьмы же. Тятя идёт, ожидая худшего. Но, к его удивлению, ему объявляют, что он Особым Совещанием ГПУ приговорён к трём годам ссылки, увы, в гибельные места – в Туруханск на Енисее.

Только что из краеведческого музейчика Туруханска я получил оттиски фотографий. Всмотритесь – мощный и мрачный разлив Енисея.

Итак, этап.

Отца определили в плотницкую бригаду ссыльных, они рубят избы, ремонтируют бараки ещё царских времён. Тятя тоскует, но позвать к себе Гутю не смеет. Уж больно тяжела дальняя дорога. Притом, на кого Гутя оставит деточек? Иван не догадывается о том, что замыслила Гутя. А Гутя замыслила отчаянное решение. В Албазине она распродаёт всю домашность, снова обходит дворы, просит о складчине. Опытные казаки отговаривают Гутю: «Ну, куда ты ринешься с малыми? Это край света, там полярная ночь, морозы за -50° .» Но она выслушивает советы и срывается в Рухлово, там покупает жёсткие места в пассажирском поезде, добирается до Красноярска. И по тем временам город ей кажется огромным. Она снимает на трое суток избу и шлындает по крестьянскому базару, где продают и живность, в том числе лошадей. Она осматривает зубы жеребцам, выбирает подходящего, покупает. Покупает розвальни и большую попону, чтобы в ледовой дороге оберечь детей от простуды. Ждёт попутного обоза, в одиночку идти нельзя, лютуют волчьи стаи. Дождалась, уговорила старшего взять её в обоз. Старшой дивуется – лихая! Но берёт её в обоз. Начинается, не побоюсь этого слова, героическая эпопея.

Хорошо, мама Гутя с детских лет знала гоньбу и, повязав шалью лицо, гнала за мужиками, не отставала. На случайных полустанках сердобольные сибиряки давали привал на ночь, пои-

Корпус старой Благовещенской тюрьмы.

ли молоком детей и кормили картошкой. Рано утром, ещё в сумерках, обоз снова шёл в низовья. Так, без уведомления, она предстала перед любимым Ванечкой. Ванечка пал на колени перед детишками и Гутей. Его товарищи по несчастью дивились и завидовали Ивану Черных.

* * *

В крохотном отступлении скажу: когда я подрос и, страстный книголюб, добрался до жён декабристов, как они столетием раньше ринулись к ссыльным мужьям, но детей оставив в своих поместьях, в России, – я восхитился: дворянки и княгинюшки рискнули одолеть пять тысяч вёрст. Маменька с кроткой улыбкой слушала меня и, только когда я оканчивал школу, решилась рассказать о своём путешествии к тятю. Енисей тогда, в суровую зиму двадцать восьмого года, представлял собой голую пустыню.

Стоянки в селах по берегам великой реки были несказанной радостью для моих братьев и сестрицы, да и для мамы Гути.

Дом деда Василия. Албазин.

А ледовая дорога казалась бесконечной, но на восьмые сутки перед ними неожиданно предстал посад. Туруханск. Завывала метель, на высокой мачте у монастыря развивался чёрный стяг. Этот чёрный стяг был признанием, что день рабочий активирован, мужики сидели по избам. Нерабочий день пришёлся кстати – праздник для Черныхов. Тятя не мог наглядеться на ребятшек, вспоминала мама Гутя, даже прослезился. Мама считала его кремнёвым, и вдруг слёзы.

Ожидая зимнего ненастья, ссыльные готовили припасы: сахар, соль, картошку, рыбу. С рыбой проблемы. Тогда советская власть придумала иезуитскую меру – русским запретили отлов, и это в низовьях Енисея, когда красная и белая рыба идёт косяками, в нерест можно весло стоймя ставить в улове.

Местное племя кетов имело право брать из реки столько рыбы, сколько поднимут. Это тоже придумала власть. Кеты и поднимали. Солили в бочках, устраивали не продажу, а обмен: русские приносили им водку или самогон, а кеты отдавали хвосты. Что мешало самим кетам в магазинах брать спиртное? А тут другой закон – запрет действовал: не продавать малым сим водку: сопьются-де. Это глупость. Русские покупали пол-литровки и шли по чумам или баракам кетов.

Тятя наш быстро усвоил эти уроки, и рыба была у него. Малосольная и просто мороженая. А когда есть рыба, жить можно. Рыба – то же мясо. Охотники в окрестных лесах брали иногда медвежатину или козлятину, но в нормальную погоду. Поэтому – рыба. Утром, на обед, на ужин. Впрочем, и на Амуре рыба всегда была в запасе. Ничего нового нет в обильных краях Сибири и Дальнего Востока, всё извечное. И даже непутёвая власть извечна.

Мама Гутя принялась хозяйничать. Сосед тяти, седой ссыльный (тятя сказал, что тот попал в ссылку за анекдот, рассказанный в кругу друзей, анекдот совершенно невинный по меркам конца 20-х годов), – сосед, завидуя Ивану и вздыхая, ушёл к сотоварищам, и у Вани с Гутей оказалась комната и кухонка с печкой, ребятшки могли шалить и вволю смеяться.

Однажды Гена и Гера на улице, за окном, повздорили, а после оба заплакали, на что тятя, улыбаясь, сказал строкой из песни:

– Две гитары под окном Жалобно заныли... – и мама вдруг вспомнила о певучести своей, мама Гутя в девичестве пела не только на клиросе Албазинской церкви, но и дома, в компании. «Гитару не взяла, – сказала она сожалеючи тятю. – Всё равно не довезла бы, в дороге разбила».

А тятя пошёл к соседям, вернулся с гитарой, старенькой, изношенной, но мама Гутя взяла аккорд, и тятя услышал старозветное:

– Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
Но любовь всё жива

В моём сердце больном, – и тятя затискал маму Гутю. Об этом она рассказала нам с сестрицей много лет спустя. И годы гитара висела дома, на Шатковской, рядом с машиной «Зингер». Иногда, отложив шитьё, подружки, по рюмочке приняв, пели старинные песни. Это Гутя и Таля. И непременно вспоминали тятю.

В эти минуты я сидел, затаив дыхание. Память о неведомом тятю пропитывала меня. И память о погибшем Вадике.

В те же годы свою ссылку в Туруханске отбывал врач Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), позже канонизированный Русской Православной церковью.

На второй день вьюга чуть утихомирилась, Ванечка вывел выводок на улицу, чтобы показать хотя бы часть Туруханска, но внезапно закашлялся. Мама Гутя увидела на белом снегу кровавый ошмётки и сразу догадалась: у папы сдали лёгкие, может быть, ещё в камерах Благовещенска, но Ванечка не придавал значения своему здоровью.

Теперь же рядышком были Вадик, Гера и Гена. И мама Гутя дышала рядом. Мама заметила, что Ванечка спиной всё жмётся к печке. То был тоже признак беды. Что будет с малыми их детишками? Но надо дожить срок ссылки. И после ссылки не упекли бы куда подальше. Здесь они вроде бы вольные, хотя каждый день отец отмечался в

милиции. Теплятся трубы котельной и монастыря, с коего сорваны купола и кресты, а из церковнослужителей (их недавно было пятеро) остался единственный. Остальных угнали в неизвестном направлении.

Мама Гутя достала махонькую иконку, копию Албазинской Божией матери, и они походя молча молились.

Гутя принялась писать в Москву, слёзно умоляя о пощаде. Кому она писала, вполне владея слогом? А словом она владела. Дедушке Калинину. Легенды о «дедушке» ходили сказочные, и, видимо, тиран понимал, что эта добрая слава Калинина греет и власть в целом.

И представьте, однажды пришёл ответ на министерском бланке. После ссылки семья Черных может выбрать место жительства повсюду в России, кроме Албазина и Рухловского района. Тятя рассмеялся – какие мы, Гутя, грозные и опасные. Нельзя землепашествовать на родине.

Но ни тятя, ни мама Гутя не ведали, что происходит в Албазине и на русском берегу Амура. Связь оказалась прерванной. Мама Гутя писала Тале Птицыной-Гавловской и сестрам короткие письма, но ответом было молчание. Тятя, понимая своё положение, никому запроса не отправил. Знал – навредит не только семье.

А в станице Албазин сотворялись трагические события. Был убит дед Дмитрий. Произошло это так. Не зная о том, что мама Гутя с внуками снялись с якоря и помчались к Ванечке, Дмитрий, тоскуя по сыну и внукам, решил навестить своих. Но посреди ледовой тропы внезапно выпрыгнувшие из посадок пограничники перегородили тропу: «Куда, мать-перемать, идёшь, отец? Граница отныне на замке». – «К внучатам», – миролюбиво отвечал Дмитрий и пошёл далее. Вслед раздались выстрелы, Дмитрий упал. Пограничники, напуганные бессудной расправой, добились Дмитрия и спустили в ближнюю прорубь. Скрыть событие не смогли потому, что юные солдаты с погранзаставы ходили на танцульки в албазинский клуб и вышептали девам правду.

Что же мои? После Туруханска они удалились в г. Щегловск, Кемеровской области. Они выбрали этот городок ненадолго, потому что там их обложили стукачами, скоро жить в Щегловске оказалось невозможным. Сохранилось фото 1932 года. Мама Гутя достала из мешка старенькое любимое платье и туфельки, а тятя кто-то дал френч (тогда в моду вошли эти полувоенные френчи).

В этом доме в Свободном жила семья Черных.

Всю жизнь я разглядываю фотографию родителей. То, что свершила мама Гутя, – побег в Туруханск, посмертная слава маменьке! – мне понятно и близко (хотя тогда на свете меня ещё не было). Но глядя в лицо тяти, я думаю: какой притягательной силой надо было обладать тятю, чтобы за тысячи километров чахоточный, он немо воззвал маму Гутю, она, немо же, отозвалась на зов и, минуты не сомневаясь, ринулась в неведомые края.

А на Амуре началась так называемая коллективизация. Опытные казаки решили, что затеяна авантюра, они надеялись отсидеться на заимках и на подворьях. Волна схлынет, авось останемся сами себе хозяевами.

Власть ответила, как и положено безбожной власти. Летней ночью 1931 года к берегу подогнали баржу с буксиром, прикладами загнали на борт сорок албазинцев. При том родным запретили выйти к берегу, попрощаться.

Эти сорок мужиков ушли вниз по течению Амура и бесследно пропали. Могло ли так быть: за десятилетие, до самой войны с германцем, не добралось до ни станицы единой весточки – ни письменной, ни устной? Потом война заслонила беду 1931 года. Лишь после войны прозорливые старики догадались: баржу с арестованными станичниками затопили живьём в низовьях Амура.

И этого тоже не ведали ни тятя, ни мама Гутя.

В 1988 году после возвращения с политзоны (я отбывал мой пять лет по 1987-й на Урале) посетил я дедовские и родительские гнездовья, крепкая зима, слава Богу, без метелей. Меня угостили чаем в доме деда Василия. Там в 88-м жила семья пришельцев-чужаков Метёлкиных. Они обиделись, когда, осмотрев дедовские углы, я

сказал: мне есть куда вернуться.² А для стариков Метёлкиных я отыщу другой угол. Разумеется, я говорил неправду. В 1988 году Албазинский совхоз «Чекист» уже упал, и что бы я делал в упавшем «Чекисте»? Хотя дом деда Василия был моим по праву наследования.

Но тогда же, зимой 1988 года, один из Сено-трусовых увёл меня на лёд Амура и сообщил о расстреле деда Дмитрия и о гибели сорока албазинцев. В 1931 по 1988 год сколько лет минуло? Правильно, пятьдесят семь.

Но родители мои не знали об угоне албазинцев. Мама Гутя, умершая в 1959 году (я тогда был студентом), – и в пятьдесят девятом не ведала об одностаничниках. Даже Таля Птицына-Гавловская, давно бежавшая из станицы и ходившая в Свободном у моей мамы в подмастерьях, не решилась рассказать подруге Гуте о трагедии 1931 года.

Имя и отчество летописца Сено-трусова я записал тогда в тетрадку, но в домашнем архиве не могу отыскать тетрадь. Но сомневаться не приходится. Что было, то было. А после репрессивный вал в конце 30-х годов и война с германцем, унесшая половину мужского населения станицы.

По наитию, однако, тятя тогда вычислил уход отца и затосковал. Год от году тоска становилась необратимой, тятя замолчал и молчал до последнего дня. Мама Гутя втихомолку плакала, а по ночам прижималась к Ванечке.

* * *

Последние дни застали тятю в совершенно чужом городе Свободном, тогда Свободный был объявлен «столицей» БАМлага.

Из Щегловска в 1935 году родители решили поехать поближе к родине: сначала в Белогорск (тогда Куйбышевская-Восточная), потом в Свободный (первородно – «Цесаревич Алексей», после Февральской – Алексеевск). Но почему именно в Свободный они потянулись?

Потому что туда перебрались родные сестры тяти – Катя и Рая. Сестры сообщили брату, что среди зэков есть доктор-лёгочник Виноградов.

Отец рванулся из Белогорска (там доживала век баба Груня, мать Гути) в Свободный, нашёл Виноградова (тот оказался расконвоированным). Доктор в городской клинике сделал рентген, выстукал тятю молоточком грудь и спину и сказал утешительное: «Несколько лет я обещаю тебе».

Роскошное суление по тем временам и в том горестном положении тяти. Тятя решил: он поможет маме Гуте поднять Вадика, Геру и Гену. Но в 1936 году медсестры сообщили Ванечке, чтобы он не приходил отныне в клинику: по приговору тройки Виноградова ночью увели чекисты, и на бамлаговском погосте доктор был расстрелян...³

Тятя уходил из жизни пристойно. Зимой 1938 года особисты в Свободном пришли взять отца, но, увидев, как, задыхаясь, он отхаркивает кровь в ведро, поднесённое мамой, они сказали: «Не жилец», – и ушли. Тятя сказал: «Слава Богу, помру дома».

Спустя десятилетия маменька рассказала, как накануне смерти Ванечку охватил приступ пророчеств. Пророчества его напугали Гутю потому, что страшный приговор он, сострадая, вынес Вадика. Да почему же тихому Вадика, а не бедовому Гене? Или слабенькой Гере (у Геры, в отца, были слабые лёгкие)? Да и я, хилый последыш, едва держал голову (мать тогда спасала меня, младенца-искусственника, и спасла козьим молоком).

Но пророчество тяти о смерти Вадика сбылось. Старший из братьев, Гена, прошёл через лагерь Среднебелое с 16-ти лет (там одновременно с Генкой отбывал молодой Юрий Домбровский). Когда началась война с германцем, в сорок третьем Гена выпросился на фронт, разумеется, в штрафбат, был контужен и ранен, но всё равно уцелел и вернулся домой, уже после падения Японии, из Маньчжурии.

Вадим, солдат морской пехоты, погиб в Порт-Артуре. Не в бою, а в автокатастрофе⁴. Ах, Ванечка, зачем так неблизко, но безошибочно ты определил раннюю гибель Вадика? – мама плакала по ночам, молилась за упокойно, перечитывала письма Вадима. Он рос даровитым мальчиком и

² Перед арестом я жил и работал в Ботаническом саду Иркутского университета. По амнистии вернувшись, я нашёл не только сожжённым мой домик в Ботаническом. Нет, и усадьбу снесли, запахали огород. Так я оказался бездомным.

³ В те годы, 1937-1938, тысячи узников ушли в расстрельные ямы БАМлага. Архив этого лагеря – лагеря протяжённостью от Усть-Кута в Иркутской области до Совгавани на Тихом океане – хранится в МВД, чиновники и поныне не выпускают архив даже в руки историков.

⁴ Взвод Вадима перевозил водопроводные трубы на студебеккерах. Когда машина с солдатами в кузове по мокрой дороге должна была пройти над обрывом, ребята попросили у лейтенанта, взводного, разрешения сойти с машины и пешком пройти опасные сто метров. Пьяный лейтенант закуражился. Машина сползла в глубокий кювет и перевернулась. Все солдатки были ранены. Вадик умер при переливании крови, ему не исполнилось девятнадцати лет. Он похоронен на Русском кладбище. Вот фото, солдатские, Гены и Вадима, и вот фото Русского погоста в Порт-Артуре. А в этой крохотной колбе земля с Русского кладбища. Тогда, после катастрофы, посадили в тюрьму шофёра, а лейтенант отделался выговором.

Вадик в Порт-Артуре.

Русское кладбище в Порт-Артуре.

много обещал, но ранняя смерть тяти и война оборвали надежды.

Вадика призвали-то семнадцати лет на уссурийскую границу, видимо, во время тяжёлых боёв под Сталинградом. Мама в ворот рубашки зашила Вадика молитву о спасении, я тогда с душевным трепетом наблюдал священнодействие мамы, и Вадим торжественно молчал.

Новобранцы на Уссуре голодали и холодали. Письма Вадима, рвущие душу и спустя шестьдесят лет, я иногда перечитываю. Трогательные просьбы к маме, чтобы она хотя бы россыпью в конверте прислала махорки на закрутку – так они бедствовали.

Но в августе сорок пятого наша армия пошла на Харбин. Вадик нелюбезно описал русских эмигрантов: эмигранты выглядели сытыми и ухоженными.

Далее наши солдаты ринулись с боями к Порт-Артуру. Питание стало нормальным, солдатам выдавали по пачке махорки через день. Вадик писал счастливые письма.

Гена же потерялся на восточном фронте, мама Гутя свято поминала каждый день папу Ванечку и сына Вадика. Сестра Гера уехала в Малую Сазанку, там стояла военно-морская часть Амурской флотилии. Грамотную Геру взяли секретаршей в штаб, она вышла замуж за матроса, но тут японская компания прервала мирную жизнь.

Я видел душераздирающую сцену прощания с Колей, мужем Геры.

Провожал я Гену, потом Вадика и, наконец Колю.

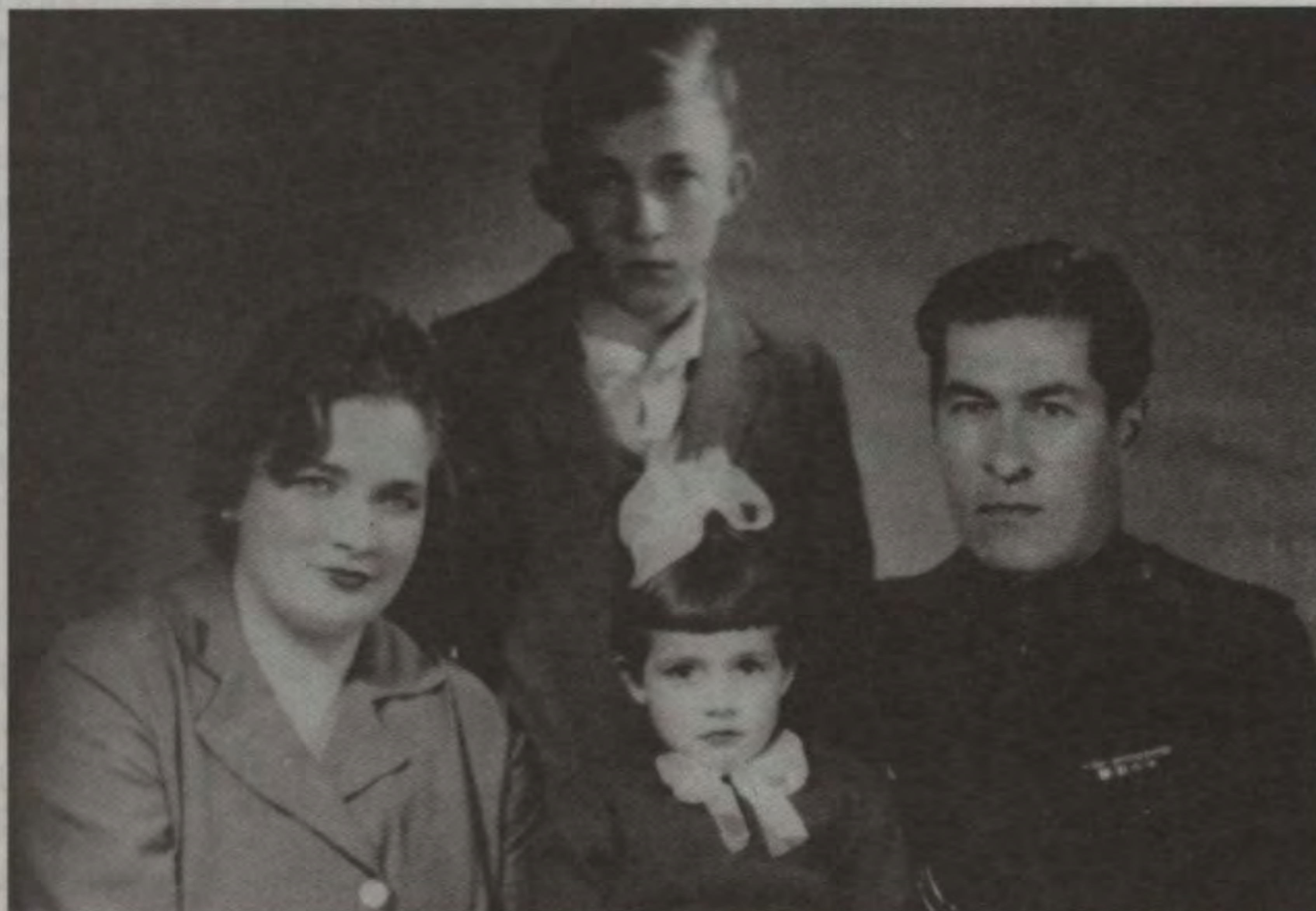
Про японских самураев рассказывали страшные легенды. Самураи не умели сдаваться в плен, сражались до последнего, иногда их находили прикованными к станковым пулемётам.

Все эти месяцы я оставался с мамой. Со стены на нас смотрели тятя, Гена, Вадик, Коля. И ранний уход отца, совсем ранняя гибель Вадика. Где без вести пропавший Гена? И наконец, где Колина часть? Всю войну стоявшая наготове (японец прянет) малосазанская бригада внезапно снялась с насиженного места, Коля прощально махал бескозыркой из фрамуги теплушки (при этом оркестр играл печальное «Прощание славянки»). Это и есть моё отрочество, быстро сменившее детские годы. Господи, помоги нам устоять, – поневоле станешь молиться.

Слава Тебе, с серебряной медалью на груди вернулся живым Коля. Он, как братишку, обнял меня и, как родную, обнял маму Гутю. Осталось просить Бога за Гену. Мама Гутя и просила. Поздней осенью, уже позёмка мела, командир полка сообщил в письме маме: Геннадий Иванович Черных выполнял особое задание командования, выполнил и вернулся, читайте его письмо.

– Чё поднимать панику, мама? – спрашивал в письме старший брат. – Война с узкоглазыми не лучше войны с немцем. Но я цел и невредим.

Мы, получив радостное известие, возрадовались с мамой, она снова застрочила из своего

Гена после двух войн.

Сестра Гера. 1950 г.

пулемёта – ножная машина «Зингер» напоминал пулемёт.

Между прочим, по тем временам иметь немецкую «Зингер» считалось богатством. Оказывается, в первую германскую барыня, шедшая через Албазин с мужем-полковником в Хабаровск, растрогалась маминой любовью к шитью и неожиданно одарила её бесценным подарком. «Зингер» спасала и спасла нас в отчаянные годы смертельной болезни тяти, потом в годы войны.⁵ Подсобницей же у мамы, я поминал, оказалась тётя Таля Птицына-Гавловская.

Можно подивиться, что Свободный⁶ во времена революций, войн и репрессий уцелел и окреп, но теперь загнивает на корню, причём, не только физически, но и нравственно. Кричащие факты на слуху. Мы решили на железнодорожном вокзале повесить мемориальную доску: «Здесь, возвращаясь из эмиграции, встречался с общественностью города Александр Исаевич Солженицын», – железнодорожные чиновники запретили вывешивать доску.

В Доме офицеров мы планировали провести «Дни памяти» Исаича. За три дня до открытия Дней я приехал проверить готовность здания

Дома офицеров к Дням. Но весь Дом был завален восковыми фигурами динозавров и кенгуру. Оказывается, этак решили помешать проведению Дней памяти. Кто решил? Эпоха «демократии».

На главном погосте в Свободном, в Дубках, где покоятся тятя и мама, современные бандиты сняли всю железную ограду и сдали на металлолом...

Но мы отвлеклись. Прости, Отче. Прости, маменька. Простите, братья Вадим и Гена. Прости, тётя Таля.

Здесь уместно вспомнить, как, состарившись, тётя Таля Птицына-Гавловская завещала мне икону Албазинской Божьей матери. С Албазинской отец венчал юную дочь в станице. Когда я наконец-то отодвинулся от перепитий моей судьбы, я пришёл в домик Гавловских, и дядя Саша, престарелый сын тёти Тали, снял из угла икону и, вздохнув, передал мне. Ныне я вернул Албазинскую Божью мать в Албазинскую церковь.

А тогда, в пятидесятых, оканчивая школу, я невольно слушал бурную маму Гути и тёти Тали.

Несильно переживая, что я слушаю их воспоминания, маменька, по-моему, специально при-

⁵ «Зингер» целёхонькая стоит ныне дома у Геры.

⁶ После Февральской революции город ненадолго нарекли Алексеевском, затем – претенциозно – Свободным, и город стал «столицей» 16 лагерей. Самое удивительное для меня и моих друзей, однокашников, было и есть: жители города, потерявшие память (родовую, семейную, национальную, историческую), считают кощунственным имя города идеальным. Даже компромиссное наше предложение назвать город Алексеевском-Свободным отбрасывается с порога. Никакого-де царизма, никакого-де имени отпрыска знатных кровей (Алёши). Убиен мальчонка вместе с родителями, с сестрами в Екатеринбурге? И что? Мало ли загубил старый режим русских людей? А войны-то какие вёл царизм. С татарами. Со шведами и с поляками. С турками. С французами и немцами. С Японией дважды. Э-э, не надо нам Алексеевска. Ты, Борис Черных, вырос на улице Шатковской, по которой гнали пешие этапы в окружении овчарок, – но ты вырос, не зачах? Вот и гордись именем Свободный.

нималась рассказывать детали прошлого, а тётя Таля ей помогала вспоминать.

Тогда я узнал о последних минутах отца. Тятя не вставал с кровати неделями и поэтому попросил маму Гутю поднести меня к нему на колени. Мне тогда было около одиннадцати месяцев. Маменька поняла – он прощается. И безоглядно, хотя горлом у тяти шла кровь, положила крохотулю на колени отцу. А руки у отца были ледяные (сердце его почти не работало). Я пустил струю на тятю. Отец счастливо рассмеялся и тотчас отошёл. Тут с улицы прибежал Гена. Мама приложила палец к губам. Гена горько заплакал.

Отпеть отца не удалось. Тогда Свято-Никольская церковь оказалась забитой досками крест-накрест, а батюшку выгнали из города. Но мы отпели тятю дома, хотя вскоре этот дом на улице Комсомольской⁷ у нас отнимут и переселят в комнату какого-то барака. Нас было пятеро, да от покойной маминой сестры Пелагеи приехали сироты. В комнате общежития оказалось нас восьмеро. Недавно я письменно обратился к губернатору с просьбой вернуть мне домок, чтобы, готовясь уходить в Дубки, я был бы на месте.

Последние абзацы моего рассказа надо назвать «В тени отца». Лебединые крыла Отче простёр над маменькой и над сиротами. У меня всегда было ощущение, что Отче молча стоит за плечом и одобряет мои неумелые, сначала пацаньи, потом юношеские движения.

Братья ушли на фронты. Я остался на Шатковской (где нам дали сносное жильё) единственным мужчиной. Тяготы тех лет? Тогда у всех были тяготы. Землицы огородной оказалось маловато, всего три сотки, и те сплошная глина. Соседям нарезали по пять соток. Но в сильные дожди с верховых улиц города ручьями наносило к нам много песка, песок я впустил на огород. Уже хорошо – помешать глину с песком.

После вечернего прогона стада я собирал на улице коровьи лепёхи, мы замачивали их в железной бочке. Подкормка для помидоров и огурцов. Запахи шли? Божественные!

Тятя, стоя за моим плечом, шептал: «Так, сынок. Действуй. Не сдавайся». Я и не сдавался.

В 44-м случился невиданный урожай картошки, до 30 кулей. А подпол в старом доме промер-

Слева Митя, мой младший сын, внук Иван, старший сын Андриюша и я.

зал. Куда девать такую прорву картошки? А ещё подошли свекла и морковь, а ещё... Пришлось мне разбирать дряхлые прясла в подполье, менять их на новые.

Однажды я напечатал в Москве «Три сотки», ностальгическое слово о том времени. Но я смолчал тогда о мистическом явлении тяти.

Нынче втихомолку я внушаю сыновьям и внукам стоять до последнего. Имею ли я право показать читателю лица моих (и тятиных) потомков? Вот они. Стало быть, мы стоим. Заметьте, младший сын назван в честь прадеда Дмитрия, а мой внук-великан-красавец в честь прадеда – Иваном. Сыновья мои историки – старший, Андрей, живёт в Ярославле, а младший, Митя, учится на историческом факультете в Благовещенске. Ваня же пошёл в математики-программисты.

Внучка – красавица Ксения – родила двух внуков. Здесь, на семейном фото, Андрей держит внука Степана, а на коленях у Наташи, жены Андрея, внучка Маша. То есть моих правнуков. Зажил я на белом свете.

Отче наш, суший на небесах, Ванечка. Да святится имя Твоё.

Благовещенск на Амуре – Албазин –
Свободный-Алексеевск – Туруханск.
2011 год, март-май.

⁷ Дом, где умирал тятя, сохранился до сих пор. Вот он на фотографии, которую сделал свободненский журналист Анатолий Осипов.

P.S.

ТУРУХАНСК ДОРОЖЕ ПАРИЖА

Территория Туруханского района вдвое больше Португалии и втрое – Латвии. Настоящее лето сюда приходит лишь на две недели, а зимой стоят морозы под 60 градусов. Здесь около 90 видов комаров, большие зарплаты и заоблачные цены.

Туруханскому району исполнилось 400.

Три часа самолётом от Красноярска – и вы на севере края. У трапа прибывших встречают полчища комаров, слепней и прочих кровососущих. Отбиться от них невозможно, поэтому в 30-градусную жару приходится надевать брюки и кофты. Кстати, тёплая погода стоит недолго. Основное же время года – зима, которая длится 8 месяцев! У тех, кто сюда попал впервые, один вопрос: как люди живут в таких условиях? Не случайно в своё время здесь была ссылка. На поселении в Туруханском районе жил сам Иосиф Джугашвили (Сталин). И Яков Свердлов.

Но северяне привыкли и к погоде, и к огромным ценам в магазинах. Это, кстати, ещё одна диковинка для новичков. Полкилограмма шашлыка из говядины – 540 руб., яблоки – 100, пакет молока летом – 37 руб., зимой – 80.

– До середины 90-х в краевом бюджете стояла строка – «северный завоз». Под него давались льготные кредиты, условия были выгодные, а цены не такие космические, – говорит директор одного из магазинов Туруханска. – Сейчас летом к нам везут продукты по Енисею, зимой – на самолётах. В последнем случае «наценка» на каждый килограмм – 65 рублей. Вот и получается: яблоки мы в Красноярске покупаем по 30 рублей, а продаём уже по 95. Плюс электроэнергия обходится слишком дорого. К примеру, за обслуживание большого холодильника в нашем магазине мы платим 200 тыс. рублей в месяц.

К слову, один киловатт электроэнергии в Туруханске стоит 12 рублей. Для сравнения: в Красноярске от 62 коп. до 1. 51 руб. Услуги ЖКХ здесь буквально «золотые». За двухкомнатную квартиру (60 кв.м) надо отдать 6-7 тыс. руб. Те, у кого зарплаты небольшие, получают субсидии.

Но в основном жители Севера зарабатывают хорошо. Учитель туруханской средней школы может получать 40 тысяч рублей в месяц, зарплата диспетчеров местного центра авионавигации – в разы больше.

– Сейчас в Туруханском районе переходный период. Пока мы восстанавливаем то, что было загублено за многие годы, – говорит глава района. – Благодаря освоению Ванкорского месторождения многие туруханцы имеют достойную работу и зарплату, развива-

ется социальная сфера. На учете в службах занятости стоят в основном те, кто не хочет работать. Дайте нам ещё три года, и Туруханск станет для края вторым Норильском.

(Взято из книги «Твой Туруханск», 2007 год).

* * *

Албазинцы в Китае – казаки, ушедшие в Китай после заключения Нерчинского договора вместе со священником Максимом Леонтьевым, проживали в Пекине. С 1686 г. эти казаки были зачислены в маньчжурскую гвардию, приняв подданство Цинской империи, в отряд «Знамени с жёлтой каймой», которой командовал принц маньчжурской династии. Албазинцы составили отдельную сотню и служили под командованием своих командиров. Они получили земельные наделы, дома, денежные награды и были зачислены в высший социальный слой жителей Пекина. Богдыхан отдал им в распоряжение буддийскую кумирню, которую казаки переделали в церковь Святой Софии. Во время боксёрского восстания в 1900 г. 300 человек из них были убиты повстанцами. В память о жертвах на территории Пекинской духовной миссии был возведён храм Светлых мучеников (разрушен в 1956 году по требованию советского посла в Китае), а сами мученики прославлены Русской православной церковью в лике местночтимых святых (День памяти – 11 июля). Потомки албазинцев участвовали в жизни казачьей эмиграции 1920-21 гг. Среди их фамилий упоминаются Яковлевы, Дубинины, Романовы (по кит. – Яо, Ду и По). Несмотря на смешанные браки и влияние китайской среды потомки албазинцев сохранили православную веру. Сейчас в Пекине проживает до 250 потомков албазинцев. Некоторые из них не раз приезжали в Албазино и до сих пор поддерживают связь с Албазинским музеем.

(Взято из книги «Сковородинский район».

Словарь-справочник.

К 150-летию Амурской области. 2009 год.)

* * *

«Туруханск ликом смахивает на природу, его окружающую. Изломанный на краешки крутым яром, оврагами и речками, он живёт настороженной жизнью, найдут ли геологи чего в здешних недрах? Найдут – процветать городу и развиваться. Подкузьмят недра – хиреть ему дальше. Но чего-нибудь да найдут, не могут не найти – район на восемьсот длинных вёрст распростерся по Енисею, поперёк же, в глубь тайги сколь его, району?...»

Виктор Астафьев «Туруханская лилия».